

Кавказ и имперская идея. Владимир Дегоев. Звезда, 2004, 6

Владимир Дегоев

Кавказ и имперская идея.

Владимир Дегоев. Звезда, 2004, 6

оригинал на сайте: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/6/deg7.html>

проф. д.и.н. Владимир Дегоев: <http://mgimo.ru/users/document1312.phtml>

Катастрофические и, возможно, необратимые последствия распада СССР, растерянность перед лицом процесса их накопления на Северном и Южном Кавказе, а также порожденная этим чувством сумбурно-экспериментальная политика Москвы по отношению к данным регионам невольно возвращают исследователей к теме, весьма одиозной в 1990-е гг.: речь идет о роли сверх-общностей в российской и советской истории.

Эта проблема одинаково остро волнует и тех, кто мечтает об исторических реставрациях, и тех, кто из понятного опасения стремится исключить их. В принципе и грезы, и страхи по этому поводу напрасны. Прошлое не поддается восстановлению, во всяком случае Ч в виде точной копии. Оно существует в нашем сознании не для того, чтобы периодически воплощаться в уже пережитую реальность, а для того, чтобы напоминать нам о невозможности ее дословного повторения. Но самое главное, чтобы в распоряжении человечества был бесценный УдидактическийФ материал, пренебрежение которым грозит потрясениями. История всегда может в той или иной степени помочь сделать правильный выбор Уздесь и сейчасФ, однако ответственность за выбор неправильный несет отнюдь не она, а наше неумение читать ее намеки, подсказки и предостережения.

Вполне УисторическимФ уроком является мировой опыт построения не только УвоображаемыхФ, но и совершенно конкретных социально-политических, экономических и культурных мегасообществ. Быть может, стремление использовать этот опыт находит наиболее убедительное выражение в современной европейской интеграции, вдохновители, организаторы и участники которой ищут духовные и материальные корни общей идентичности, порой откровенно игнорируя то обстоятельство, что помимо истории европейской идеи есть еще и история европейской трагедии. Впрочем, стоит ли строго судить за естественное желание забыть то, о чем страшно вспоминать? При всех своих издержках и при всем лукавстве эта инстинктивная реакция олицетворяет в сущности благое, гуманистическое и конструктивное мифотворчество, обращенное в будущее.

Беда, однако, в другом. Когда поисками собственной национальной (или интернациональной) идеи и изучением собственного интеграционного опыта начинает заниматься Россия, то это воспринимается как нечто злое и несовместимое с общечеловеческими ценностями. И тут ей с упоением ставят в строку самое худшее и самое отвратительное в ее истории. Именно в этом усматривается уникальная патология, якобы отличающая Россию от других цивилизаций по-особенному, по-варварски.

В настоящей статье речь пойдет о главных компонентах и о главных итогах процесса вовлечения Кавказа в российскую имперскую систему в первой половине XIX в. Разработчикам современной национальной политики Российской Федерации не помешают знания об идеях и идеалах, которыми вдохновлялись их исторические предшественники.

По мере присоединения или завоевания кавказских территорий перед Россией вставала проблема управления ими. Предстояло найти такую форму имперского присутствия в этом регионе, которая прежде всего позволит обеспечить там социально-политическую стабильность, необходимую в том числе для решения текущих и грядущих внешнеполитических задач. Дело осложнялось целым рядом факторов. С точки зрения языка, религии, культуры, внутреннего устройства, кавказские государственные, полугосударственные и догосударственные образования были неоднородными. Внутри них зачастую царили раздробленность и усобицы, а между ними Ч вражда и соперничество, чаще всего за УместнуюФ гегемонию. Административно-судебное единообразие, да и то порой условное, существовало лишь в пределах одной территориально-политической единицы Ч будь то царство, княжество, ханство, союз общин и т. д. Однако пользы от такого единообразия, как правило, было немного, ввиду произвола правителей и феодалов, хаоса в поземельных отношениях и налогообложении, в силу междоусобных раздоров и разбоев, сопровождаемых нескончаемой кровной местью.

Эти обстоятельства одновременно и создавали проблемы для России, и помогали их разрешить. Местные социальные элиты и простой народ постепенно начинали видеть в империи высшую власть, третейского судью, надклассовый и наднациональный инструмент организации жизни по рациональным правилам. Практически все общественные слои раньше или позже приходят к осознанию удобств существования в условиях нового, имперского порядка, положившего конец Увойне всех против всехФ. Именно порядок, организация, система, как синонимы мира, безопасности и благополучия, мало-помалу становятся для людей ключевыми, жизненно важными идеями. Всеобщая и всевозрастающая потребность в таком способе бытия заставляла Петербург искать пути ее удовлетворения и подсказывала то стратегическое направление, в котором должна была развиваться российская политика на Кавказе.

Впрочем, это несколько не умаляет сложности и масштабности стоявших перед Россией задач и несколько не оправдывает допущенные ею просчеты.

Русским властям на Кавказе сразу же стало ясно, что унификация этого края по имперско-губернскому образцу Ч занятие рискованное, дорогостоящее и малоэффективное. Во всяком случае для такого процесса Ч исторического по своему содержанию Ч требовалось время. Форсировать его Петербург не спешил, хотя высказывались различные взгляды на то, с какой скоростью и в каких формах должно осуществляться вовлечение Кавказа в имперскую систему.

Русская администрация на присоединенных территориях носила по преимуществу военный и чрезвычайный характер. Генералам и офицерам поневоле приходилось заниматься гражданскими делами, примирять социально-политические элиты, благоустраивать города, строить дороги и т. д. Русские солдаты использовались как дешевая и весьма квалифицированная рабочая сила.

Пресловутый принцип Уразделяй и властвуйФ, который привычно, хотя зачастую безосновательно, ассоциируется с политикой России на Кавказе, утрачивал рациональный смысл. Прежде, к примеру, в XVIII в., такой принцип Ч да и то в определенных ситуациях Ч был на руку Петербургу. Теперь же, когда этот мозаичный регион оказался под скипетром царя, задача состояла не в расколе, а в соединении разнородных элементов во имя достижения стабильности и управляемости.

Проблема ненасильственной интеграции стояла перед Россией тем острее, чем явнее ощущался недостаток русских войск на Кавказе и недостаток опыта управления новоприобретенными землями. Можно сказать, что гибкие и осторожные подходы к этой проблеме возникли отчасти стихийно, под влиянием реалий жизни, не располагавших к методу разрубания внутрикавказских гордиевых узлов. Со стороны России видно было понимание пагубных последствий быстрой ломки традиционного социально-экономического, политического и культурного уклада. Отсюда Ч терпимость к местному административному разнообразию. Имперская власть вводилась далеко не везде, но и там, где вводилась, зачастую носила номинальный характер, давая себя почувствовать лишь тем, кто открыто демонстрировал нелояльность к ней. Многие азербайджанские и дагестанские правители, избравшие покорность России, были оставлены на своих УпрестолахФ, а их УподданныеФ продолжали жить как и прежде, правда, с той существенной разницей, что отныне обеспечивалась внешняя безопасность и ограничивались наиболее вопиющие формы внутреннего произвола. Даже в Картло-Кахетии Ч самой русифицированной, с политической точки зрения, губернии Ч очень многое осталось без изменений в социально-культурном плане.

В основе мотивов такой политики лежали не только объективные трудности, но и инстинктивное и вполне понятное нежелание кавказских наместников глубоко вникать и вовлекаться в сложные хитросплетения местной жизни. В конечном итоге именно это обстоятельство стало, как ни странно, общим источником для двух противоположных концепций интеграционной стратегии, получивших условные наименования УцентрализмФ и УрегионализмФ. УцентралистыФ выступали за скорейшую имперско-административную унификацию Кавказа; УрегионалистыФ предлагали действовать постепенно, не торопясь упразднить те локальные особенности, которые со временем

либо отомрут сами собой, либо будут безболезненно и органично вытеснены новыми политическими формами.

Эти два подхода никогда не существовали в чистом виде, оттого и не следует преувеличивать накал борьбы между ними. То, что констатируется как Упобеда централизмаФ во второй половине XIX в., на самом деле представляет собой гораздо более неоднозначное явление.

УРегионалистскаяФ составляющая, как неизбежное порождение здравого оппортунизма, всегда присутствовала и присутствует до сих пор в политике России на Кавказе.

Приобретенные Россией на Кавказе территории можно разделить на две основные категории Ч те, что находились как бы в вассальных отношениях с империей, и те, что попали под прямое имперское управление. В первом случае Россия, сохраняя местным владельцам их прежний статус и наследственно-династические права, брала их на свое содержание и на свою военную службу, обычно присваивая им ранг генерал-майора. Таким образом власть ханов, князей, уцмиев, беков и т. д. обретала новые формы легитимации, недвусмысленно указывавшие на появление более высокой политической инстанции в лице русского царя. В практическом плане новая властная иерархия мало изменила внутрисоциальную систему. И до поры до времени Петербург это устраивало постольку, поскольку представлялось самым удобным и малозатратным способом контроля над кавказским социально-политическим пространством.

Вторую категорию составляют те российские владения на Кавказе, где была введена имперская администрация. Однако это не означало, что из присоединенных территорий сделали русские губернии. Жизнь заставляла искать гибкую систему интеграции. На государеву службу, гражданскую и военную, рекрутировались представители местных народов, и не обязательно принадлежавшие к социальным верхам или христианской вере. Главными критериями были лояльность к России и профессиональная пригодность. УТуземныеФ кадры получали привилегии правящего класса, благодаря чему формирование новой кавказской политической элиты происходило относительно гладко. Тем самым было положено начало процессу зарождения среди нерусского населения имперской идентичности. Эта тенденция развивалась параллельно с ростом национального самосознания, чаще всего уживаясь с ним, но иногда и замещая его. В социальном-психологическом плане готовность местной элиты отождествлять себя с империей обуславливалась желанием принадлежать к корпорации избранных, разделять ее дух и ценности, пользоваться ее благами и символикой. Почва для нравственных сомнений, связанных с проблемой ответственности перед своими народами, практически отсутствовала. Дело в том, что для части нового правящего класса этой проблемы никогда и не существовало. Более щепетильные могли утешить свою совесть тем, что они не предадут народные интересы, а защищают их.

Кооптация грузин и армян в УколониальнуюФ управленческую систему и воспитание в них имперского мировоззрения облегчались религиозной общностью с русскими. В случае же с тюрками-мусульманами та же цель достигалась религиозной терпимостью русских, готовностью и умением царских властей воздействовать на представителей иной культурной среды неотразимыми материальными и моральными стимулами.

Конфессиональная политика Петербурга на Кавказе в целом была достаточно осторожной и избирательной, хотя и не без ошибок. К примеру, восточно-грузинская церковь в течение 10 лет после присоединения сохраняла автономию. Западно-грузинская (имеретинская) церковь оставалась автокефальной до 1815 г. Вместе с тем была налицо и тенденция к подчинению грузинской УпатриархииФ Святейшему Синоду, то есть Российскому государству. В Петербурге исходили из идеи о том, что в империи церковно-государственные отношения должны строиться по единому образцу.

В 1811 г. самостоятельность картло-кахетинской церкви была упразднена. Католикоса Антония II выслали в Петербург, где ему и его свите назначили совсем не УссыльноеФ содержание Ч такое же солидное, как и представителям династии Багратионов.

Этот шаг Ч весьма сомнительный в принципе и несвоевременный с точки зрения общей неустойчивой обстановки на Кавказе Ч в каком-то смысле носил вынужденный характер. Во всяком случае он объяснялся не только стремлением к имперской унификации. После 1795 г. грузинская церковь пришла в глубокий упадок. Она утратила способность выполнять свою культурно-просветительскую и воспитательную миссию, тем более в условиях резкого падения общественного спроса на нее. При очевидной потребности в церковных реформах менее очевидным представляется избранный Петербургом метод их осуществления Ч структурно-административное подчинение Синоду и ускоренная УправославизацияФ обрядовых процедур.

Русское правительство хотело поднять роль грузинской церкви, но не для того, чтобы она стала питомником для проповедников грузинского национализма и русофобии, а для того, чтобы сделать из нее идеологический инструмент имперской стратегии. В 1817 г. в Тифлисе была открыта

духовная семинария на 200 учеников. Следом такие же учреждения возникают в других городах Грузии. Они были призваны готовить кадры для обслуживания новой политики Ч политики русско-грузинского цивилизационного сближения под скипетром царя и преодоления оппозиционных настроений у местного духовенства.

С этой же целью была произведена реорганизация управления церковными делами. В Тифлисе создается специальная канцелярия Ч нечто вроде мини-синода Ч которая четко расписала права, обязанности, иерархию и доходы служителей церкви. Был наведен порядок в сфере церковной собственности и землевладения. Заметно повысилась экономическая эффективность использования церковных угодий, в результате чего появились средства для реставрации храмов и монастырей, находившихся в плачевном состоянии. В 1825 г. территория Грузии была разделена на 4 епархии Ч картло-кахетинскую, имеретинскую, мингрельскую и гурийскую.

Все это Ч проявление политики, направленной к тому, чтобы построить отношения между местным духовенством и светской властью по образцу, существующему в России с петровских времен. Иначе говоря Ч чтобы достичь единообразия имперского правления. Вместе с тем у Святейшего Синода были свои, УведомственныеФ интересы на Кавказе, предполагавшие распространение ортодоксального православия и соответствующей обрядовой унификации. (Отчасти это делалось в ответ на активизацию католических и протестантских миссионеров.) Вероятно, поэтому эмиссары Синода порой действовали более поспешно и менее деликатно, чем предписывало русское правительство и позволяла местная ситуация. Отсюда недовольство и сопротивление, вызванные, в частности, попыткой заменить УгрузинскуюФ литургию УклассическойФ православной.

Однако в одном, по крайней мере, царское правительство жестко ограничивало деятельность синодального духовенства на Кавказе. Ему запрещалось навязывать (тем более силой) христианство народам, исповедующим мусульманство и язычество. Русские власти, восстановив статус и престиж грузинской церкви, лишили ее монополии в области народного просвещения. Она не выдерживает конкуренции со стороны светских образовательных и культурных институтов, учрежденных кавказскими наместниками. В конце концов именно к этим институтам Ч имперским по своей сути и задачам Ч переходят рычаги влияния на массовое сознание.

Более осторожной политики требовала армянская церковь, игравшая огромную роль в истории народа, который остро нуждался в том, что способно его объединить, компенсируя тем самым некогда утраченную государственность.

Что касается исламской религии, то по отношению к ней русское правительство заняло подчеркнуто охранительную позицию, с явным намерением привлечь мусульманское духовенство к реализации имперского политического курса. Позже, в свете событий Кавказской войны, многие государственные деятели в России и на Кавказе расценят это как ошибочную социальную ставку, принесшую негативные результаты.

Однако основная работа интеграционного механизма происходила все же в светской сфере. В первой половине XIX в. на Кавказе формируется влиятельный слой просвещенной УколониальнойФ бюрократии, представленной людьми, которые были исполнены высокого, искреннего чувства моральной ответственности за порученную им УцивилизаторскуюФ, державную миссию. Среди них было немало таких, кто понимал, ценил и даже преклонялся перед кавказской культурой, признавая за ней право на самобытное развитие под имперской эгидой. Намного опережая время, они отказывались от надменного культуртрегерского взгляда на УтуземнуюФ духовную жизнь, от лукавого соблазна сравнивать ее с русско-европейскими ценностями в контексте категорий Увыше-нижеФ, Улучше-хужеФ. Они уже тогда всем своим образом действий ставили вопрос не о поглощении, а о выращивании феномена, который был удачно назван канадским историком Г. Райнлендером национально-имперской культурой. И в конечном итоге именно эта, а никакая другая формула Ч несмотря на массу объективных и субъективных препятствий Ч восторжествует во второй половине XIX в. и, тем более, в XX в.

Есть и парадокс, и логика в том, что просвещенная бюрократия рождается и начинает свою активную гражданственную деятельность при самых жестких, самых имперско мыслящих (в глазах многих Ч самых одиозных) кавказских наместниках Ч П. Д. Цицианове и А. П. Ермолове. Профессиональные военные, воспитанные в соответствующем духе, эти генералы видели свое предназначение прежде всего в наведении внутреннего порядка в крае и защите его от внешних угроз, что отныне становится проблемой безопасности России, то есть приоритетной проблемой любого государства. Отсюда Ч широкое использование силовых методов. Однако они не являлись самоцелью и применялись только в тех случаях, когда мирные средства не действовали, хотя, конечно, остается далеко не праздным вопрос Ч насколько та или иная ситуация действительно была безвыходной.

П. Д. Цицианов и А. П. Ермолов осознавали, что, помимо армейского, нужен и другой инструмент для борьбы против беспорядка. Именно с этой прагматической целью они создали

на Кавказе весьма сплоченную колониально-чиновничью корпорацию, руководствуясь соображением о том, что ее эффективность будет прямо пропорциональна ее просвещенности. Особым покровительством пользовались те УкадрыФ, которые своими взглядами и творческим потенциалом более всего отвечали представлениям наместников о сути и форме цивилизаторской миссии России.

Вместе с тем П. Д. Цицианов и А. П. Ермолов не всегда могли полностью контролировать процесс формирования бюрократии просвещенного типа. Зачастую он принимал стихийный характер. Так, Упроконсул КавказаФ, конечно, не имел никакого отношения к появлению в подведомственном ему крае блестящей плеяды сосланных туда деятелей декабристского движения. Но нельзя отрицать и того, что во многом благодаря А. П. Ермолову декабристы получили возможность реализовать свои таланты на новом для них поприще и сыграть колоссальную роль в русско-кавказском духовном сближении. Их трудами были заложены основы для великого культурного синтеза, принесшего столь яркие плоды во второй половине XIX в. и особенно в XX в.

А. П. Ермолов предпринимал целенаправленные и совершенно осознанные усилия для развития интеллектуальной жизни в Грузии, одним из центров которой стал основанный им офицерский клуб в Тифлисе, имевший солидную библиотеку русской и иностранной литературы, включая периодические издания. Там проводились общественно-политические и научные дебаты, нередко с участием самого наместника. По настоянию А. П. Ермолова в Тифлисе в 1819 г. была учреждена газета на грузинском языке.

В значительной степени благодаря высокому попечительству А. П. Ермолова создавалась та особая духовная среда, в которой происходило становление блестящей грузинской интеллигенции (Александр Чавчавадзе, Григорий Орбелиани, Соломон Додашвили, Георгий Эристави, Николоз Бараташвили и другие).

А. П. Ермолов поставил на твердое основание систему народного просвещения в Закавказье. Перед грузинскими, армянскими и азербайджанскими юношами Ч независимо от их социального положения и вероисповедания Ч были открыты перспективы получения прекрасного образования, причем не только в Тифлисе (тогдашней культурной столице Кавказа), но и в Петербурге и Москве. Характерно, что в тифлисских школах изучались помимо русского, латинского, немецкого и французского языков еще и языки народов Закавказья Ч грузинский, армянский, УтатарскийФ (азербайджанский). Для молодых представителей местных социальных элит и простолюдинов преимущества УрусскогоФ образования становились все более очевидными: расширялись возможности и для карьерного рывка, и для приобщения к русско-европейским и мировым культурным богатствам. Вместе с престижностью имперской системы образования быстро растет и спрос на нее. По мнению Г. Райнлендера, к началу 1830-х гг. грузинская интеллигенция испытывала Уповышенный аппетит ко всему русскомуФ.

Начал преобразоваться внешний облик закавказских городов. Европейский урбанический стиль дает о себе знать во всем: новая архитектура, новая планировка улиц с площадями, скверами и парками, новая манера горожан одеваться. Изменялись интерьеры жилищ, сервировка обеденных столов, бытовые привычки.

Рождается такое явление, как салонная (она же Ч общественная) жизнь, способствовавшая интернационализации местной элиты, укреплению ее корпоративного духа, распространению модернистских идей. Прямым и, возможно, непредвиденным следствием УимперскойФ работы русских наместников явилось пробуждение национального самосознания кавказских народов. Один английский путешественник заметил, что А. П. Ермолов помог грузинам Увновь обрести утраченное чувство отечестваФ.

В 30-е Ч первой половине 40-х гг. XIX в. в Грузии продолжается подъем культурной жизни. Прежде всего в области образования, литературы, журналистики. Эти интеллектуальные и идейно-воспитательные сферы становятся все более регулярными каналами доставки русских и европейских духовных богатств, спрос на которые в грузинском обществе неуклонно растет. Одновременно и у российской интеллигенции появляется возможность через русскоязычную тифлисскую периодику утолить жажду знаний о неведомом, таинственном и экзотическом Кавказе, познакомиться с обычаями, нравами, культурой его обитателей.

Просвещенческая политика России постепенно распространяется на азербайджанские ханства и на новоприобретенные территории Восточной Армении.

Десятилетие М. С. Воронцова на должности кавказского наместника (1845Ч1854 гг.) было в известном смысле Узолотым векомФ для Закавказья. Опытный генерал и талантливый администратор с богатым списком заслуг в деле освоения южной России, он фактически получил полную свободу действий на Кавказе и подчинялся только Николаю I. Этот регион приобрел своего

рода статус Угосударства в государствеФ, что явилось со стороны Петербурга признанием необходимости учитывать его специфику и не форсировать процесс его УгубернизацииФ по стандартному имперскому образцу. Мало кто понимал эту сложнейшую задачу и способен был справиться с ней лучше, чем М. С. Воронцов.

В социальных, межкорпоративных и межэтнических конфликтах, имевших место в Закавказье, М. С. Воронцов неизменно занимал позицию третейского судьи, беспристрастного примирителя, надклассовой инстанции. Это касалось споров между христианами и мусульманами, грузинами и армянами, русскими и нерусскими, аристократией и купечеством, чиновниками и населением. Наместник прививал противоборствующим сторонам и закавказскому обществу в целом более широкий, имперский взгляд на вещи. Он видел в этом способ умерить антагонизмы, разрешить (или предотвратить) конфликтную ситуацию, воспитать у людей разумно-эгоистическое понимание того, что польза для империи есть польза для каждого из ее подданных.

М. С. Воронцов Ч благодаря своим личным качествам и преданности делу Ч заразил универсалистским духом большую часть закавказских социальных элит. Они искренне и добровольно приняли имперские идеалы и с готовностью предложили свою помощь на поприще претворения их в жизнь.

М. С. Воронцов оставил после себя в Закавказье целый Уколониально-бюрократическийФ класс, состоявший из представителей разных народов, конфессий, общественных классов и культур. Всех их сплачивала не только корпоративная солидарность, но и растущее имперское самосознание с элементами державного патриотизма, с одной стороны, и Увнутрироссийского космополитизмаФ, с другой.

При М. С. Воронцове национально-имперская культура в Закавказье, особенно в Грузии, вступила в стадию расцвета. Одной из главных предпосылок для этого послужило личное, глубоко уважительное отношение М.С. Воронцова к духовному наследию закавказских народов. Вверенный его попечительству край пережил с 1845 по 1854 г. целую эпоху, в которой элементы ренессанса переплелись с совершенно новыми культурными явлениями. Налицо яркие успехи в области образования (в том числе женского), литературы, журналистики, театрального искусства. Дети грузинских дворян под покровительством М.С. Воронцова посылались на учебу в Петербургский кадетский корпус. В русские школы и гимназии Закавказья все охотнее шла мусульманская молодежь. Постепенно образовательные учреждения начали принимать специализированный уклон (коммерческий, технический, военный, религиозный и т. д.). Росло число преподаваемых дисциплин, которые стали включать курсы по агрономии, архитектуре, экономической географии, бухгалтерскому учету, иностранным языкам (латынь, французский, немецкий), истории Кавказа и др. При М. С. Воронцове образовательная система в Закавказье уже могла обеспечить такой уровень подготовки учащихся, который был необходим для поступления в столичные российские университеты.

Закладывались основы для развития гуманитарных наук, в частности кавказоведения. Было учреждено Закавказское отделение Русского императорского географического общества и снаряжены археологические экспедиции

в Грузию и Армению.

В Тифлисе появилась первая публичная библиотека, первый музей, первая обсерватория, первый драматический и оперный театр.

Благодаря поощряемому М. С. Воронцовым издательскому делу увидели свет выдающиеся памятники современной и классической грузинской литературы. Сферы культурного общения между Россией и Кавказом и культурного взаимопознания необычайно расширились.

Россия принесла в Закавказье вместе с сетью образовательных институтов еще и учебные программы, проникнутые духом официальной идеологии. Вопрос о том, пригодна ли знаменитая уваровская триада Ч Усамодержавие, православие, народностьФ Ч для Закавказья и насколько, стоял весьма актуально.

Эта формула содержала идею о сильной единоличной власти, объединяющей разнородное общество и стоящей над ним. Именно такая власть глубоко импонировала и тем кавказским народам, которые некогда знали ее, но утратили, и тем, которые, никогда не имея ничего подобного, стремились к автократии как к некоему политическому идеалу. (В этом, кстати, сокрыт один из источников временного успеха авторитарного проекта Шамиля.) У второй составляющей триады Ч УправославияФ Ч была более ограниченная область применения. Сочувственно воспринять ее Ч при определенных условиях Ч могли лишь исповедовавшие христианство грузины,

армяне и часть северокавказского населения. Что касается УнародностиФ, то эта концепция была вообще неуместна по отношению к полиэтничному Кавказу.

Тем не менее русские власти Ч когда вольно, а когда и невольно Ч проводили большую и небезуспешную работу по приспособлению Утеории официальной народностиФ к кавказской специфике, точнее Ч именно того в этой теории, что поддавалось приспособлению. Применительно к Кавказу уваровская триада Ч соответствующим образом переосмысленная и адаптированная Ч являлась, в принципе, универсальным идеологическим средством воспитания имперской надэтнической и надконфессиональной идентичности. Чувство верноподданства русскому царю, соединенное с чувством принадлежности к УсверхдержавеФ, медленно, но верно проникало во все слои кавказского общества. Имперская идентичность служила как бы общей, в каком-то смысле защитной, оболочкой для рождающихся (или возрождающихся) УнациональныхФ самосознаний, к возникновению которых социально-культурная политика России имела самое непосредственное касательство. Эту политику зачастую обозначают не очень корректным, во всяком случае очень условным, термином УрусификацияФ. На самом деле происходил куда более широкий, емкий и сложный цивилизационный процесс, заслуживающий, на наш взгляд, другого наименования. Речь может идти, скорее, об Уимперской самоидентификацииФ личности, класса, общества, формирующейся под влиянием конкретных материальных и духовных стимулов, определенной культурно-идеологической среды и предполагающей осознанный и добровольный выбор (иначе какая же это УсамоидентификацияФ?).

Заслуга М. С. Воронцова в том, что он понял это сам и научил такому пониманию своих подчиненных, многие из которых, впрочем, были не менее проницательны, чем их шеф. Кавказский наместник, в отличие от некоторых своих предшественников, не считал, что местные народы должны воспринимать выгоды вхождения в состав империи как самоочевидные. Он давал возможность на деле убедиться в этом путем активного вовлечения грузин, армян, азербайджанцев в экономическую, социальную и культурную жизнь России.

Вместе с тем М. С. Воронцов был решительным противником искусственного насаждения имперских форм, предпочитая придать процессу интеграции естественный, постепенный и органичный характер. Доходило до того, что наиболее рьяных грузинских адептов УрусификацииФ упрашивали сохранить хотя бы на время полезные местные законы и обычаи.

В 30450-е гг. XIX в. и особенно в период М. С. Воронцова города Закавказья принимали все более европейский вид. Наместник создал среди своих подчиненных атмосферу, которая сама собой формировала нечто вроде Укавказского патриотизмаФ, объединявшего людей не этническим происхождением или религией, а чувством причастности к великому делу созидания чего-то небывалого. Во многом благодаря М. С. Воронцову и к русским и к кавказцам явилось понимание того, что Кавказ Ч их общая забота и общая судьба, что Россия Ч не временщик и пришла сюда навсегда. Пожалуй, одним из самых благотворных результатов этого УоткрытияФ стало определенное моральное настроение, одинаково вдохновлявшее и русских и нерусских простой идеей: все, что они делают (или не делают) на Кавказе, принадлежит и будет принадлежать им и их потомкам. Именно это настроение заставляло закавказских Угенерал-губернаторовФ соперничать друг с другом в области Укапитального строительстваФ, урбанического и культурного обустройства вверенных им территорий. Они создавали материальную и духовную среду для благополучной жизни.

На периферии Российского государства, в отличие от его глубинки, чувство империи было развито в русских людях гораздо сильнее. Оно воспитывало в них широкий взгляд на вещи и пристальный интерес не только к новоприобретенным территориям, но и к новоприобретенному культурному пространству. Русские на Кавказе в чем-то становились как бы и не вполне русскими. Космополитическое мировидение овладевало их сознанием то ли стихийно, то ли по врожденной предрасположенности к нему. Этой всечеловечностью изумительно точно наделили своих героев Лермонтов и Толстой. Максимы максимычи и лукашки Ч живые и абсолютно достоверные иллюстрации того, что Кавказ был не просто геополитическим продолжением России, но еще и продолжением духовным.

Имперский Кавказ во многом напоминал Уплавильный котелФ, хотя и отличался от американской модели. Он олицетворял над-идентичность, отнюдь не подавлявшую национальное, культурное и конфессиональное, а скорее вбиравшую все это в себя. Утверждаясь на Кавказе, Россия срачивалась с ним. Изменяя его, она изменялась и сама.

* * *

Будучи в сущности глубоким УтектоническимФ сдвигом, процесс интеграции Кавказа с Россией имел сложную диалектику и протекал не без издержек для обеих сторон Ч неизбежных и, нередко, трагических. На изучение русскими властями местной обстановки и на приспособление к ней уходило порой слишком много времени. И прежде чем им удавалось нащупать оптимальный путь,

они успевали совершить грубые ошибки, вызывавшие негативную социальную реакцию. В известном смысле познание Кавказа Россией происходило на всем протяжении XIX в. и продолжалось в XX в. Среди тех русских военных и администраторов, которым по долгу службы приходилось иметь дело с этим регионом, отнюдь не всем было дано постичь его по-настоящему глубоко. Людей, обладавших таким даром, следует искать, скорее, среди тех, кто устремлялся на Кавказ по велению своего сердца и своей творческой натуры.

В ходе утверждения России на Кавказе потребовался определенный период трудной взаимоадаптации разных культур. Русские генералы, считая свое Уцивилизаторское миссионерство абсолютным благом, подчас отождествляли его с абсолютным правом нести кавказским народам Усвет разума и просвещения. Им не всегда хватало понимания того, что незнание русского и французского языков, неумение пользоваться вилок и ножом, обычай сидеть на полу, скрестив ноги, и другие Удикости Ч есть не варварство, а лишь свидетельство принадлежности к другой культуре, по-своему не менее, а то и более богатой, чем европейская.

Впечатление о Убескультуре становилось тем навязчивее, чем явственнее обнаруживалась непохожесть кавказского мира на русский, в том числе благодаря тому хаотическому состоянию, в котором находилась местная общественно-политическая и хозяйственная жизнь. Отсюда Ч стремление поскорее навести порядок, представляемый в качестве еще одного неперемного атрибута цивилизации. Это стремление порождало поспешность и необдуманные действия в сфере социальной, образовательной и конфессиональной политики.

Стратегия Уразделяй и властвуй отнюдь не всегда приносила успех: в конечном счете она усиливала дезорганизацию кавказских обществ, препятствуя их эволюции в Уцивилизованном направлении.

Процесс консолидации российской имперской власти наталкивался на определенные трудности в Закавказье и на еще большие препятствия на Северном Кавказе. В обоих случаях Петербург оказался перед необходимостью преодолеть как объективные обстоятельства негативного свойства, так и более или менее организованное сопротивление людей, объединенных одними идеями, одними интересами и одной культурой. Это был вызов концептуального, стратегического характера, требовавший соответствующего ответа, проникнутого творческим и прагматическим началом. Понятно, что решение задачи такого масштаба предполагало неминуемые ошибки, условную Уквоту на которые Россия все же не превысила. Иначе общие итоги ее политики на Кавказе были бы плачевными.

1830-е г. для России в Закавказье начались с неприятностей. В 1832 г. в Тифлисе был раскрыт Уроялистский заговор, направленный на свержение наместнической власти и восстановление монархии Багратионов. История заговора говорит о многом. Он возник и оформился не без влияния декабристского восстания в Петербурге и польских событий 1830-1831 гг. Среди участников не было единства в понимании цели и способов ее достижения. Одни (большинство) выступали за насильственную реставрацию независимой Грузии вместе с прежним политическим и социально-экономическим порядком. Другие (меньшинство) были против возвращения к феодально-монархическому строю и против кровопролития, полагая, что Грузии без России не выжить, но последняя должна стать республикой. Утопизм и того, и другого проекта обрекал их на провал, так же как отсутствие организации, общей идеологии и четкой программы действий.

Идея заговора созрела среди тех немногочисленных представителей грузинской социальной элиты (включая грузинскую диаспору в Петербурге и Москве), которые считали себя обделенными русским правительством или недостаточно оцененными. Кому-то дали титул Усветлейшего князя вместо Уцаревича; кому-то пожаловали слишком низкий чин на военной или гражданской службе; кому-то не вернули в собственность крестьянские деревни, взбунтовавшиеся против феодального гнета кого-то посмели привлечь к суду по якобы необоснованным обвинениям и т. д. Тот факт, что эту оппозицию объединял не столько высокий идеал, сколько чувство личной обиды, придавал ей разрозненный, случайный, несистемный характер. Ее появление было вызвано не общей социально-политической стратегией России в Грузии, а частными административными ошибками по отношению к конкретным лицам. Лишний раз это подтверждается той стремительностью, с которой сокращался состав участников заговора (со 145 до 30 человек), и обстоятельствами его разоблачения, указывавшими на острые внутренние разногласия между заговорщиками в вопросе о значении России для Грузии (один из конспираторов по принципиальным соображениям сообщил кавказскому наместнику барону Розену о планах государственного переворота).

Но, быть может, ярче всего о том, что заговор не нес в себе фундаментальной угрозы для русского присутствия в Грузии, свидетельствует реакция Петербурга. В ней видно понимание Унезлокачественной, преходящей природы этого явления. Заговорщики понесли весьма снисходительное наказание: их отправили в ссылку, но через некоторое время вернули и назначили на высокие посты в кавказской администрации. Как выяснилось вскоре, это был простой и эффективный способ размыть почву, порождавшую условия для подобного рода оппозиции.

Бывшие заговорщики стали самыми яркими сторонниками России и проводниками идеи национально-имперской культуры. Таким образом, элементарный тактический просчет Петербурга был исправлен столь же элементарно.

Оставляло желать лучшего кадровое и концептуальное обеспечение российской политики на Кавказе. За период с 1801 г. по 1830 г. там сменилось

девять наместников. Из них, пожалуй, лишь у двоих Ч. П. Д. Цицианова и

А. П. Ермолова Ч была четкая военная и политическая стратегия, но им не хватило времени и средств для осуществления задуманного. Другие наместники не имели последовательной и долгосрочной программы, действуя скорее ситуативно, по мере возникновения то здесь, то там проблем большей или меньшей сложности. Они не обременяли себя творческими задачами, предпочитая аккуратно выполнять зачастую неуместные или безнадежно запоздалые инструкции Петербурга, где плохо знали нюансы кавказской обстановки и, возможно, ждали инициативных предложений с места событий. В итоге Ч отсутствие системного подхода, на фоне чего множились иллюзии, эксперименты, просчеты и разочарования.

Хотя во втором эшелоне армейского (оно же гражданское) руководства на Кавказе наличествовало немало способных людей, все же не от них зависели принятие важнейших решений и разработка стратегических идей на долгосрочную перспективу. Что касается остального состава военного и чиновного аппарата, то в нем были всякие: и те, кто добросовестно выполнял свой долг, проникнувшись глубоким уважением к Утуземному миру и жадной понять его, и те, кто приехал на Кавказ Уна ловлю счастья и чинов Ч карьеристы, мздоимцы, сорвиголовы и маргиналы разных мастей, презиравшие и край, и его обитателей, и, порой, самих себя. На их счету многие преступления Ч воровство, убийство, насилие, предательство, святотатство, оскорбление национальных чувств. Было бы чересчур прекраснодушным заблуждением полагать, будто их деяния нисколько не запятнали образ России в сознании кавказских народов.

Справедливости ради стоит сказать, что и в количественном, и в качественном отношении проблема кадровой комплектации Уколониальной системы на Кавказе всегда стояла очень остро. Условия службы здесь были крайне тяжелы. Климатические контрасты, высокогорная местность, болотистые низменности с ядовитыми миазмами, эпидемии и стихийные бедствия, труднопроходимые дороги, недостаток снабжения, перманентное состояние войны и военной тревоги и т. д. Ч все это не множило число охотников ехать на Кавказ. При таких обстоятельствах стимулом к путешествию в Утеплую Сибирь могла служить либо высокая идея, либо стяжательский порыв, который обычно увлекает за собой людей определенных наклонностей и определенной морали, и увлекает тем сильнее, чем явственнее перспектива реализации своих сомнительных талантов для получения осязаемой выгоды. Не в счет, разумеется, солдаты и офицеры, лишенные права выбирать, где и как им служить на благо империи, и умирать за нее.

Страдала недостатками система школьного образования в Закавказье. Не хватало квалифицированных учителей, функции которых подчас выполняли случайные люди. Учебные программы, бывало, слепо копировали российский стандарт, а просьбы местного населения об открытии новых школ игнорировались.

Не лучшим решением представляется замена грузинских (по происхождению) экзархов на русских митрополитов, назначаемых Синодом. Это вызвало протесты и усилило русофобские настроения в грузинском духовенстве, которое недолюбливало Россию за то, что она секуляризировала и взяла в свои руки власть над умами людей (впрочем, влияние клерикалов среди грузин никогда не было особенно сильным Ч таким, как, скажем, среди армян).

Петербург, а вслед за ним и кавказские администраторы явно недооценивали экономическую составляющую интеграции. Местная Усистема (Усистемы) хозяйствования носила либо патриархальный, либо феодальный характер, что в реальности было почти одно и то же. Главная заслуга России состояла в том, что эта Усистема получила защиту от внешней опасности и внутреннего беспредела. Однако столь благоприятные условия сами по себе не давали импульса к развитию, они скорее консервировали эту сферу социальной жизни на том уровне, которого было вполне достаточно для привычного существования, но слишком мало для возникновения экономической потребности в России и для превращения Кавказа в органичную часть империи.

Вплоть до окончания Кавказской войны хозяйственный потенциал региона фактически оставался невостребованным, даже в том объеме, в каком его могла бы освоить слаборазвитая, по сравнению с Западом, российская промышленность. Кавказ был Уколонией, не знавшей колониальной эксплуатации, что делало его убыточным приобретением для экономики России. Однако геостратегическая важность региона окупала все издержки по его содержанию, поднимая его в глазах Петербурга до такой ценностной или, скорее, Усверхценностной категории, на которую не

жалели ни имперских денег, ни имперских войск. В первой половине XIX в. исподволь подготавливались условия для того, чтобы в перспективе Ч пусть и не близкой Ч геополитическое значение Кавказа было конвертировано в конкретный экономический результат, успешно залатавший одну из Учерных дырФ, которая истощала российские финансы на протяжении долгого времени.

В первой половине XIX в. самым уязвимым Ч со всех точек зрения Ч местом в политике России был Северный Кавказ. На то, конечно, имелись объективные причины: горские общества оказались для русских крайне сложной материей именно в силу своей УпростотыФ.

В ряде районов Северного Кавказа (в частности в Кабарде) слишком рано были упразднены родовые суды (предмет недовольства исламизированных социальных УверховФ), которые были фактически заменены шариатскими (что, в свою очередь, не нравилось УнизамФ). Начались подкупы и беспорядки, а упрочившее свои позиции местное духовенство активизировало протурецкую пропаганду. По-видимому, ошибкой были и попытки ввести у чеченцев (уже в 20-е гг. XIX в.) русские суды с их волокитой и формалистикой, чего горцы не выносили органически. Они вполне понимали и подчинялись языку угроз и силы. Совершенно естественной для них была и война, как способ достижения определенных целей, требовавший жертв с обеих сторон. Но они не терпели вмешательства в свои семейные, сокровенные дела, освященные вековыми обычаями. Это задевало их до глубины души. Горцу и в голову бы не пришло обижаться за то, что его хотят убить, ибо такое же право на убийство он всегда оставлял за собой. Его оскорбляла не та ситуация, когда приходилось гибнуть или подчиняться превосходящей силе, к которой он испытывал УпрофессиональноеФ уважение, а когда его подвергали унижению, смириться с которым он был не в состоянии.

Культурные различия между Упришельцами с севераФ и местным населением были огромны, что неминуемо порождало взаимонепонимание и конфликты. Однако ситуация отягощалась бессистемными и торопливыми попытками преодолеть это препятствие Ч попытками, поощренными иллюзией о возможности быстрого решения проблемы на основе УправильноФ выбранного метода. В поисках его бросались из одной крайности в другую. То УпряникиФ сыпались как из рога изобилия, поселяя в сознании горцев, вместе с убеждением о слабости России, презрение к ней. То УкнутФ стегал всех без разбору, возбуждая ответную ненависть и насилие. Эта непоследовательность стала одной из причин Кавказской войны, вызванной целым комплексом сложно связанных и влиявших друг на друга факторов. Среди них нет такого, который можно однозначно квалифицировать как главный и единственный. Критериям исключительности не отвечали ни жесткая ермоловская политика, проводившаяся и до Ермолова, ни, тем более, набеговый промысел горцев, существовавший у них спокон веков. Как всякое крупное историческое явление, Кавказская война проистекала из разных источников, обуславливавших ее феноменальную, мозаичную природу. Только после того, как русские генералы поняли это, к ним пришел успех Ч и военный, и политический.

По целому ряду причин, достаточно хорошо исследованных историками, утверждение российской власти на Северном Кавказе вызвало сопротивление. Его наиболее организованные и интенсивные формы, с одной стороны, и жестокое подавление их, с другой, вызвали многолетнее противоборство, то обострявшееся, то затихавшее.

Чтобы избавиться от некоторых расхожих недоразумений, связанных с этим феноменом, следует сделать несколько уточнений. УТеатрФ Кавказской войны располагался в определенных горных районах Чечни, Дагестана и

Черкесии. За пределами их простиралась огромная, куда большая по площади территория, где отношения между русскими и горцами складывались по-разному, но отнюдь не всегда враждебно. Кроме того, и внутри очагов войны

ситуация была совершенно неоднозначной с точки зрения социальных и религиозных настроений, идейно-политического единства, внешних ориентаций и восприятия России.

Кавказской войне принадлежит важное место в истории отношений между Россией и Северным Кавказом в первой половине XIX в. Однако она не исчерпывает всей сложности и многообразия этой истории. Между тем данный факт Ч казалось бы, очевидный Ч подчас совершенно затмевается ярким, динамичным и остросюжетным содержанием Кавказской войны, которая с легкой руки русских писателей приняла в массовом сознании слишком обобщенный образ Увойны на КавказеФ. Трагизм происходивших событий, их эпохальный размах и героико-романтический колорит почти целиком вытеснили из сферы общественного интереса конкретные вопросы о том, кто, где, с кем, против кого и за что воевал. Сложнейшая социальная, этнополитическая и этноконфессиональная картина свелась к впечатлению, будто все без исключения горские народы находились в состоянии перманентной вражды и восстания против России. Это понятно и УпростительноФ: общественное сознание склонно к восприятию простых и удобных формул.

Дело, однако, в том, что подобным взглядом нередко грешат научные исследования, особенно зарубежные. В них история народов Северного Кавказа первой половины XIX в. едва ли не полностью тождественна истории Кавказской войны. Тут немалое влияние оказывают идеологические моменты, хотя имеет место и недостаточная изученность проблемы.

* * *

Итак, 1800-е Ч начало 1860-х гг. в политике России на Кавказе представляют собой период, логически и сюжетно достаточно цельный, чтобы сделать некоторые выводы. Несмотря на существенные цивилизационные различия между Закавказьем и Северным Кавказом, по отношению к обоим субрегионам Россия осуществляла единый курс, нацеленный на геостратегическую, политическую, социокультурную, идеологическую и экономическую интеграцию их в имперскую систему. Хотя технология реализации этого курса варьировалась в широком диапазоне оперативных методов Ч от грубых силовых до изысканно-дипломатических, Ч в целом преобладал прагматический подход. Во главу угла была поставлена такая тактическая линия, которая обеспечивала достижение цели путем тонкой, терпеливой, рациональной, но не свободной от ошибок игры на пестром этнополитическом поле Кавказа.

Вместе с тем результаты цивилизационного освоения Россией территорий к югу и к северу от Кавказского хребта разнились. В первом случае они выглядят более глубокими и прочными, чем во втором, поскольку Закавказье, географически более отдаленное от России по сравнению с Северным Кавказом, было ближе к ней по УформационнымФ характеристикам. Кроме того, в Грузии, Армении и Азербайджане Ч ввиду отсутствия ярко выраженного внутреннего сопротивления и ослабления (или устранения) внешней угрозы со стороны соседних мусульманских держав Ч Россия получила возможность сосредоточиться на имперско-интеграционной программе. При этом российские власти Ч за рядом исключений Ч не спешили форсировать события, даже перед лицом явных соблазнов.

События на закавказском театре Крымской войны (1853Ч1856 гг.) ясно показали высокую степень лояльности местных народов к России. Русской армии, сражавшейся против турок, опасаться за свои тылы не пришлось. К началу 1860-х гг. социально-политические и моральные позиции России в Закавказье имели солидный запас прочности, дававший реальную возможность для дальнейшей интеграции.

На Северном Кавказе у Петербурга было больше работы во всех отношениях. Смысл ее состоял прежде всего в обеспечении хотя бы видимой лояльности горцев, которую предполагалось использовать как отправную посылку для постепенного вовлечения их в имперскую систему. Главную проблему представляла Кавказская война, возникшая не только и не столько из ошибок России, сколько из самого факта физического соприкосновения разных культур (в широком смысле слова), из которых одна (имперская) оказывала нарастающее и подчас чрезмерно агрессивное давление на другую (патриархально-родовую). Принявшая затяжной характер война приносила постоянные жертвы, отвлекала от решения целого комплекса гражданских задач, порождала чувство неопределенности, в том числе на территориях, не затронутых ею. Сомнения в способности русской армии покончить с Шамилем создавали неблагоприятные для России социальные настроения далеко за пределами горных районов Дагестана, Чечни и Черкесии. Все в конечном счете ждали исхода этой борьбы, одни воюя на стороне русских, другие против них, третьи вообще не спеша связывать свою судьбу ни с имамом, ни с Россией.

Как только в войне наступил перелом в пользу России, общая ситуация на Северном Кавказе стала заметно меняться. Поражение Шамиля, обусловленное продуманной военной и социально-политической стратегией Воронцова-Барятинского, заставило многих сделать пророссийский и проимперский выбор. Последний Ч в отличие от исчерпавшего себя юридистского проекта с его изначально ограниченной социокультурно-идеологической сферой применения Ч сулил порядок, определенность, материальные выгоды практически для всех, без различия народов, конфессий, классов. Заслуга России вообще и ее наместников в частности Ч в том, что они дали горцам почувствовать не только несокрушимую силу Ч что уже само по себе вызывало почтение, Ч но и силу, призванную защищать, примирять, рассуживать, карать и жаловать. В ней все яснее различался тот политический идеал организованного общества, с помощью которого горские реформаторы-практики в лице Шамиля и его предшественников хотели уничтожить хаос междоусобиц, разбоев, кровной мести и многобожия. Подсознательно стремились к этому и народные массы. В поле их зрения, после провала грандиозной юридистской революции, остался единственный претендент на роль великого преобразователя и объединителя Ч империя русского царя. Значение Кавказской войны следует видеть в том, что она, помимо всего прочего, сделала очевидным именно это. В Кавказской войне горцы проиграли свое прошлое, но выиграли свое будущее.

* * *

Несмотря на грубые просчеты, всегда сопутствующие УколониальнойФ политике, процесс имперской интеграции на Кавказе набирал силу и приобретал характер фундаментального и уникального явления. Происходило это во многом потому, что, при всех перегибах, преобразование формы и сути проводилось постепенно Ч даже там, где социальная восприимчивость к новому была чрезвычайно высока. Национальный колорит не вытеснялся и не подавлялся, а органично срачивался с имперской культурой, дополняя и обогащая ее. Не только кавказцы заимствовали у русских, но и наоборот: русские охотно щеголяли кавказской атрибутикой, гордились своей УкавказкостьюФ как некой особой идентичностью. УРусскаяФ тема глубоко проникала в грузинскую, армянскую, азербайджанскую и горскую литературу, а Кавказ стал неотразимым источником вдохновения для русских поэтов и писателей.

Ввиду своего синкретического характера российская имперская культура (в широком смысле слова) выполняла на Кавказе функцию своеобразного ретранслятора европейских идей и ценностей. В этом плане политика России

являлась разновидностью вестернизации. В старом кавказском доме Уокно

в ЕвропуФ было прорублено русскими УимпериалистамиФ и обращено на север.

К началу 1860-х гг., несмотря на ряд плодотворных результатов присутствия России на Кавказе, перед ней по-прежнему простирался огромный фронт УколониальнойФ работы Ч политической, культурной и экономической, отступить от которой уже не было никакой возможности. Создав площадь опоры для дальнейшего имперского строительства на Кавказе, Россия не могла позволить себе бросить на произвол судьбы дело, потребовавшее стольких усилий и жертв. Накопленный опыт позволял уберечься от одних ошибок, но не страховал от других. Была ли достигнута необратимая динамика в русско-кавказском интеграционном процессе Ч сказать сложно. Отрицательно отвечавшие на этот вопрос современники могут показаться излишне пессимистичными. Те же, кто давал оптимистичный ответ, вероятно, воздержались бы от него, зная они наперед, что в будущем Россию на Кавказе ждут тяжкие испытания.

Однако эти испытания, едва ли не самые суровые из которых Ч революция, интервенция и гражданская война в 1914Ч1921 гг., Ч были, в конечном счете, преодолены. Сакраментальный вопрос: почему до крайности истерзанная и обессиленная Россия, потерявшая огромные территории и, казалось бы, обреченная на утрату Кавказа, смогла-таки удержать его? Сколь расхожая, столь и незатейливая версия о решающей и исключительной роли красноармейских штыков давно уже не удовлетворяет даже ее создателей Ч западных исследователей. Тогда почему же? Если отвечать коротко, то можно предположить, что главная причина в преемственности истории и преемственности империи, которая изжила лишь свою романовско-самодержавную форму, но не истощила своего многоликого содержания и универсалистского духа. Впрочем, это уже тема другого разговора.